

УДК 93/94

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-54-68

**«ПРО НАС, КАК КРАСНЫХ ПАРТИЗАН, ЗАБЫЛИ И ДУМАТЬ,
ЧТО МЫ ЕСТЬ НА СВЕТЕ»:
КОМБАТАНТЫ ОСЕТИИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ¹**

С.А. ХУБУЛОВА

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
362025, Северная-Осетия Алания, г. Владикавказ, ул. Церетели, 16
E-mail: hubul@yandex.ru*

Б.Б. ГАГЛОЕВА

*Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова
100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, Московская, 8
E-mail: bellagag@yandex.ru*

Аннотация. В статье осуществлен контент-анализ эго-документов бывших красных партизан времен гражданской войны, хранящихся в материалах региональных архивов. Благодаря этому удалось реконструировать материальную, психологическую и политическую составляющие повседневной жизни комбатантов Осетии в 1920-1930-е гг. В письмах комбатанты сообщают о своем материальном положении, о невозможности устроиться на работу, содержать семью. Анализ отложившегося материала позволяет реконструировать причины, мешавшие их карьерному росту в советской системе. Авторы писем обращаются к бывшим командирам с просьбой об устройстве на работу, на учебу и ходатайствами о персональной пенсии. По их мнению, эти обстоятельства могут обеспечить восходящий карьерный рост и социальный лифт. С помощью жалоб и заявлений, которые направлялись их авторами в разные инстанции, удалось выявить причины лишения статуса, механизмы проведения регулярных «чисток» в партизанском сообществе.

Ключевые слова: партизан; социальная история; анкеты; заявления; статус.

**«THEY FORGOT EVEN TO THINK ABOUT US AS THE RED PARTISANS,
THAT WE ARE STILL PRESENT IN THIS WORLD»:
THE COMBATANTS OF OSSETIA IN EGO-DOCUMENTS**

S.A. KHUBULOVA

*North Ossetian state University named after K.L. Khetagurov
362025, North-Ossetia Alania, Vladikavkaz, Tsereteli st., 16
E-mail: hubul@yandex.ru*

B.B. GAGLOYEVA

*South Ossetian State University named after A.A. Tibilov
100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, Moskovskaya st., 8
E-mail: bellagag@yandex.ru*

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект а/м 16-21-)13001

Abstract. In the article is represented a content analysis of the former civil war red partisans' ego documents stored among the materials of the regional archives. It makes possible to reconstruct the material, psychological and political components of the daily life of Ossetian combatants in the 1920s-1930s. In their combatants inform about their financial situation, inability to get a job, to support a family. Analysis of the deposited materials allows reconstructing the reasons that prevented their career growth in the soviet power system. The authors of the letters are asking their former commanders to help them in getting a job, or education opportunities, or personal pension assignment. In their opinion, these are the conditions that can provide for them upward career growth and social lift. Analysis of complaints and claims that were addressed by their authors to various authorities makes possible to identify the reasons for the deprivation of status, the mechanisms of regular «cleansing» in the veteran partisans community.

Key words: partisans; social history; questionnaires; applications; status.

Завершившаяся гражданская война поставила точку в противоборстве между красными и белыми. Новый режим утверждался повсеместно. Происходила смена традиционных для романовской России политических и социальных институтов. Помещики, дворянство, священнослужители ушли с исторической сцены, став «бывшими» – гражданами, лишенными государственной защиты и поддержки. На их место пришли граждане советской России с новыми социальными ролями. Одной из новых советских страт стали бывшие красные партизаны, которые под знаменами большевиков отстаивали новые ценности и новый порядок.

Долгое время история красных партизан в период, последовавший за гражданской войной, не изучалась и лишь в последние годы социальная история раннесоветской эпохи стала привлекать внимание специалистов [Морозова 2010; Хубулова, Гагроева 2016].

Заметим, что в последние годы издано большое количество «писем во власть» (жалоб, доносов, просьб), которые адресовались как в разные властные структуры, так и отдельным лицам номенклатуры [Лившин, Орлов 1999: 94-102; Письма... 1998; «Проверкой...» 2013].

Эти эго-документы не являются однотипными, наоборот, их отличает большое видовое разнообразие, которое проявляется не только во внешних атрибутах (машинопись, рукопись, стандартные листы, листы из тетради или просто клочок бумаги), но и в побудительных мотивах, манере изложения и целевых установках. Случайная выборка писем, жалоб, прошений позволяет утверждать, что все эти эго-документы весьма информативны и несут сведения не только о тяготах жизни автора, но в конечном итоге, его отношении к существующему режиму, политическим взглядам и жизненным установкам [Даренская 2013].

В фондах комиссий красных партизан (ЦДНИРО, ГАРО, ЦГА РСО-Алания, ЦГА РЮО) отложилось большое количество источников, которые никогда ранее не использовались исследователями, но которые имеют большое значение для реконструкции мировосприятия и жизненных стратегий бывших комбатантов Октября, оказавшихся в мирных условиях недооцененными и забытыми. В условиях мирной жизни с ее кардинальными переменами красные

партизаны не всегда находили себя в новой системе отношений, и более других рефлексировали на перегибы во внутренней политике [Хубулова, Гаглоева 2017]. Это неизбежно закончилось тем, что уязвленные чинимыми несправедливостями бывшие красные партизаны выражали свое недовольство и возмущение в письмах во власть.

Цель статьи – изучить положение бывших красных партизан Юга России в первое послереволюционное десятилетие посредством их эпистолярного наследия. Анализу будут подвергнуты следующие виды писем: жалобы, прошения, письма, заявления.

Обработка личных жалоб как массового источника может быть проведена на основе методики контент-анализа, которая дает возможность получить исключительный материал для характеристики послевоенной повседневной жизни. Указанная методика состоит из двух этапов. Первый заключается в составлении унифицированной анкеты. Для этого путем логического обобщения следует определить те признаки, которые встречаются в источниках многократно [Клинова 2012]. На основе выделенного формируем унифицированную анкету. С одной стороны фиксируем наименование признаков, с другой – соответствующие им подразделения или градации. Существенной сложностью первого этапа работы является как выделение признаков, так и их измерение, поскольку каждая жалоба не имеет четкой внутренней архитектоники.

Анализ жалоб позволяет включить в анкету признаки по проблемам социально-экономического статуса партизана и его семьи, мотивировка просьбы, особенности восприятия социальной политики властей. В анкету дополнительно включаются и такие признаки: куда подается жалоба, характер жалобы. Заложенная в источнике информация позволяет включить в анкету ряд биографических составляющих: фамилия, имя, отчество, личный вклад в годы гражданской войны, социальное происхождение, специальность, наличие или отсутствие работы, состав семьи.

Выработав единую унифицированную анкету, переходим ко второму этапу контент-анализа – непосредственной обработке анкет с помощью метода группировки на предмет взаимосвязи между признаками. В результате обработки источников появляется обширный материал, который позволяет исследовать социальный облик красного партизана, описать его материальное положение, выявить особенности социальной психологии и проч.

Давая общую характеристику источникам, следует отметить, что отложившийся корпус документов достаточно неоднороден, т.к. включает в себя разнообразные по форме и содержанию документы [Кутырева 1991].

Чрезвычайно содержательными и информационно интересными источниками являются жалобы о тяжелой материальной ситуации в семьях бывших красных партизан. Весь комплекс по своему характеру однообразен, включает личные заявления. Большая часть жалоб написана от руки и на клочках бумаги, иногда изложение грамотное, но чаще – с большим количеством ошибок. Все жалобы имеют произвольную форму. Содержательный анализ жалоб позволяет заключить, что все они представляют

картину безрадостного и тяжелого существования бывших партизан. Каждая жалоба имеет очень высокую эмоциональную окраску.

Новая власть, многим обязанная своим сторонникам и солдатам революции, должна проявлять заботу об их материальном и социальном статусе. Прежде всего, сформирована многоступенчатая социальная политика: активные участники революционных боев получали награды, льготы, их продвигали по служебной лестнице. Руководители партизанских отрядов привлекались советской властью в качестве новой элиты в разные властные органы. Показательны в этом плане биографии Д. Жлобы, С. Такоева, К. Бутаева, Е. Рамонова, А. Джатиева, Н. Гассиева и некоторых других, сделавших блестящие карьеры и занявших вакантные ниши на вершине новой политической пирамиды. Как показали подсчеты, такая восходящая карьера пришлась приблизительно на 15-16% бывших красных партизан, гораздо больше комбатантов не получили наград, достойной службы, льготы – самые незначительные. В многочисленных анкетах, заполненных бывшими партизанами, видно, в какой острой нужде они жили: «неимущие», «нет работы», «нет жилья».

Обратимся к материальному положению тех бывших партизан, которые осели в городах Северо-Кавказского края. Подавляющая их часть либо занималась тяжелым и неквалифицированным трудом, либо попадала в разряд безработных. Оценивая свое бедственное состояние на фоне процветающих сослуживцев, комбатанты стремились если не добиться социальной справедливости, то хотя бы несколько ослабить тяжелое положение. Одним из механизмов стали письма-жалобы, заявления и прошения во властные структуры. Прежде всего, речь шла о материальной помощи со стороны государства.

Материальное положение многих партизан было тяжелым, но их заботами власть интересовалась мало: «Мы ждали, чтоб нам пояснили насчет Ваших циркуляров (Д. Жлоба – председатель комиссии красных партизан Северо-Кавказского края – Авт.), но до сего времени мы ничего не видим и не слышим, а когда спрашиваем нашего председателя тов. Попова, где Ваши циркуляры, то нам отвечают: «А на што вам циркуляры, вам удостоверения дали, довольно этого». Этим нас и кормят. Вы говорили, что все красные партизаны должны быть устроены на должности до 1 января 1927 года, но про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 125].

В своих жалобах в партизанские комиссии комбатанты отмечали, что «большевики плохо заботятся о нас, мы страдаем, а они нас не слышат» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1073. Л. 4-16]. В Всегрозинский Совет красных партизан неоднократно направлялись письма по поводу того, что «876 человек по Южной Осетии абсолютно никем не снабжаются, и Уполномоченный Наркомснаба не включает их в план снабжения (т.е. они лишены материальных выплат и других льгот. – Авт.). В то время, как на иждивении указанных красных партизан находится более 2899 душ» [Гаглыева 2017а: 26].

Жалобы на материальное неблагополучие были полны драматизма и безысходности. Например, партизан Ждан в трагических красках описывал свое существование: «Скажу просто, без прикрас, я голодаю. Прошу помочь красному партизану, ничего не имеющему, кроме одиннадцати ран на теле» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 129]. Партизан Марьянов писал: «Хожу раздетый, не имею обуви, даже белья. Вот теперь зима, можно заболеть...» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 788. Л. 17]. Ему вторил комбатант Фидаров, который в отчаянии обращался в партизанскую комиссию за помощью: «Я в крайне критическом положении так, что не имею средств к дальнейшему существованию. Семья моя состоит из жены и двух малолетних детей от 2 лет до 11 месяцев; от плохого питания дети болеют, жена также чувствует себя нездоровой. Занимаемая мною квартира сырая, редко отапливается, т.к. нет средств для покупки топлива...» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1073. Л. 7].

Вдова бывшего партизана Скуршакова в своем заявлении в партизанскую комиссию делилась своими тяжелыми семейными проблемами: «Прошу Вашего содействия оказать мне помощь, так как я не в силах купить своему сыну верхнюю одежду...Работаю на трамвае кондуктором, заработок у меня маленький, часто болею и мне приходится мало получать» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп.1. Д. 794]. Ей вторила другая просительница – мать расстрелянных деникинцами трех сыновей: «Я персонально получаю пенсию в Чеченской области за своих расстрелянных сыновей в размере 11 руб. 50 коп. Сама я инвалидка (так в тексте – Авт.), признанная ко 2-й группе и в свои 65 лет вполне понятно не имею способности к труду, и других доходов у меня нет. Имея ввиду теперешнюю дороговизну, прожить на эту пенсию очень затруднительно. Почему и прошу назначить мне пенсию централизованным порядком через ВЦИК» [ГАРО. Ф. 2993. Оп.1. Д. 226. Л. 128].

Другой животрепещущей проблемой для многих жителей городов была растущая безработица. В годы нэпа резко увеличилось количество безработных. Если в конце 1921 г. в сфере спроса было около 500 вакансий, то уже в 1922 г. количество предложений превысило спрос в 4 раза. Во Владикавказе открытие Биржи труда состоялось летом 1922 г. Безработные обязаны были регистрироваться на Бирже труда и ждать своей очереди на получение работы. Как явствует из документов, наибольшее количество безработных было представлено в категории «без профессии и квалификации». В 1923 г. на Бирже было зарегистрировано 1,5 тыс. безработных, кроме того, из разных мест во Владикавказ прибывали сотни рабоче-активных когорт, которым также нужно было искать работу. Из статистических данных следует, что в 1924 г. на каждое предложение приходилось лишь 0,5% спроса.

Биржей проводились регулярные «чистки», в ходе которых часть зарегистрированных лишалась статуса ожидающих. В разряд лишенцев попадали люди, стаж работы которых был меньше 3-х лет. Кроме того, существовали категории льготников, которых направляли на работу в первую очередь. К ним относились и бывшие красные партизаны.

Материальное положение безработных, даже зарегистрированных на Бирже и получающих мизерные пособия, было очень трагическим. Пособия не удовлетворяли даже минимальные потребности в пище и одежде.

Учитывая дороговизну предметов первой необходимости и продуктов питания, безработные и их семьи практически голодали, либо покупали суррогаты хлеба, небольшое количество круп. Скудный рацион питания вызывал потерю сил, потерю здоровья, в самых тяжелых случаях – к смерти.

Такая ситуация не могла не сказываться на моральном состоянии нуждающихся, по свидетельствам медиков это приводило к самоубийствам. Нередко безработные подвергались выселению из квартир.

В партизанскую комиссию поступали письма-просьбы бывших красных партизан, в которых они описывали свое бедственное положение. Показательно заявление сына бывшего начальника партизанского отряда Дауда Альтемирова: «Я в настоящее время (1935 г. – Авт.) безработный, причем прошу Вас определить меня на какую-нибудь работу, я имею семь классов образования, по семейным обстоятельствам мне не удалось продолжить образование. Работал заготовителем в Корельдреве, ездил проводником фруктового (так в тексте. – Авт.) вагона в г. Петрозаводск, а после возвращения я – безработный» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1073. Л. 18].

Материальное положение комбатантов можно было поправить, назначив ему персональную пенсию. Об этом пеклись многие красные партизаны, пытаясь заручиться ходатайствами своих бывших командиров. Так, в череде таких просьб можно выделить письмо красного партизана И. Попова, которое он адресовал на имя Д. Жлобы: «Не знаю, куда затерялась бумажка, а без нее никак не получить пенсию. А дело было так: в партию вступил в октябре 1918 года под Царицыным, еще в Стальной дивизии, а выбыл в начале 1922 года в Тифлисе, когда тяжело болел, а потом началось психическое расстройство и именно это неменяемое состояние вынудило меня добровольно выйти из партии. Собственно это же обстоятельство послужило причиной демобилизации...» [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 128]. Не менее трагично заявление в Северо-Кавказскую комиссию помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам П. Ильяшенко: «...я весь истреplen своими нервами в период империалистической и гражданской войны, 6 раз ранен и 2 раза бит плетью, дальше рисовать Вам нечего... Осмелюсь просить Вашего ходатайства представить мне Персональную пенсию, хотя бы это было через врачебную комиссию, а меня снять с работы, т.к. дальше работать не могу ввиду моего плохого зрения, малограмотности а также по нервной болезни...» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 796]. Многочисленные обращения во власть по поводу персональной пенсии часто оставались без положительного решения.

Не менее болезненно воспринимали бывшие комбатанты отсутствие возможности карьерного роста. Кадровая политика, которую проводила победившая власть, предполагала систему выдвиженчества, позволившую к концу 1920-х гг. сформировать должностную иерархию в новом государстве. Ответственные посты получали работники, преданные большевикам. Небольшая группа. Для успешного прохождения по карьерной лестнице нужно

было получить образование. Это желание вписывалось в государственную политику формирования «новой национальной интеллигенции». Красные партизаны, которые желали повысить свой образовательный уровень, вне конкурса могли попасть в разряд целевиков/командированных в вузы страны, т.к. классовая принадлежность студента была весьма важна для государства. «Мы Джиоев С.А. и Котолов В.Д. при заполнении партизанских анкет указывали, что желаем продолжить учебу. Просьба была удовлетворена. Облпарткомом и Облоно Юго-Осетии были откомандированы на учебу в МГУ г. Москва. Но сейчас просим ЦИК Юго-Осетии принять во внимание наши заслуги перед Советской властью, выражающиеся в участии в партизанских боях 1918-1920 гг., учесть нашу экономически тяжелую ситуацию и выслать материальное пособие (хотя бы единовременное), для продолжения учебы» [ЦГА РЮО. Ф. 27.Оп. 1. Д. 1041. Л. 13]

В центральных вузах обучались делегаты из всех уголков Северного Кавказа. Часть их по возвращении на родину была трудоустроены и смогла сделать карьеру. Стремление комбатантов восполнить нишу «новой национальной интеллигенции» поддерживалось государственными льготами, наградами и должностями, которыми власть благодарила свою надежную опору. Такое отношение государства к красным партизанам давало последним уверенность в справедливости получения ими льгот для успешной жизни.

В годы активного построения нового общества власть должна была обезопасить себя от «попутчиков» и несогласных с ее методами. Поэтому на вооружение были взяты методы принуждения и террора. Государство боролось не только с бывшими помещиками и белыми офицерами, но также с теми своими союзниками, которые не принимали многие реформы в стране. Когда страна вступила в решающий этап построения социализма, власть должна была четко понимать: кто за нее, а кто, несмотря на определенные заслуги в период гражданской войны, встал по другую сторону.

Так, постановлением ЦИК Северо-Осетинской автономной области от 19 мая 1930 г. при всех рай- и горисполкомах были созданы «Комиссии по проверке бывших красных партизан и красногвардейцев», которые начали свою деятельность в 1931 г. В инструкции по «чистке» за 1932 г. отмечалось, что комиссии должны руководствоваться особыми условиями региона и внимательно рассматривать каждый конкретный случай [ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 9]. В других документах конкретизировался сам механизм перерегистрации: «Каждый проходящий перерегистрацию бывший красный партизан (красногвардеец), а также каждый вновь заявивший о своей принадлежности к красно-партизанскому движению – предоставляет в комиссию заявление и не менее двух рекомендаций по прилагаемым формам. При рассмотрении заявления комиссия ведет протокол» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1097. Л. 82]. Во всех государственных документах этого периода откровенно говорится: «Самым беспощадным образом разоблачать примазавшихся к рядам бывших красных партизан и красногвардейцев антисоветские, кулацкие, разложившиеся элементы, изгоняя их в порядке

самоочистки в процессе повседневной массовой работы, проводя в этих целях специальные кампании по чистке» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 779. Л. 2].

Нами были проанализированы 400 заявлений и прошений комбатантов, которые они направляли в разные инстанции по поводу исключения из рядов красных партизан. Большой интерес представляют те жалобы и заявления, которые касаются не только самого процесса отказа в статусе партизана, но, что особенно важно, дают представление о послевоенной жизни комбатанта, его работе, социальном положении и проч.

Содержательный анализ этого вида документов позволяет утверждать, что все жалобы представляют собой систему доказательств, опровергающих факты, которые вменялись комбатанту: «В сентябре месяце сего года я, - писал Л. Боженев, - проходил чистку бывших красных партизан, и комиссия по чистке в своем протоколе от 9 сентября 1931 г. вычистила меня, якобы, как совершенно не принимавшего никакого участия в октябрьских завоеваниях. Я со всей серьезностью протестую против той неправды, которая написана в выписке из протокола. Прошу Президиум горсовета снова проверить меня, ибо я был, есть и буду красный партизан и красноармеец» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 972. Л. 95]. Красный партизан Г. Брага обращался в Президиум Орджоникидзевого горсовета по поводу неправильно вынесенного решения: «Я – бывший красногвардеец гражданской войны. Осенью 1918 года участвовал в Августовских боях, а также в 1919 году защищал город от банд генерала Шкуро, которым мы были вытеснены и отступили в гор. Тифлис. Я в это время был бойцом на бронепоезде и отсутствии командира по желанию команды замещал его. В общем, все время активно защищал республику с оружием в руках. В настоящее время комиссия исключила меня из числа красногвардейцев ввиду того, что я работал кузнецом в грузинской армии, но мы де, красногвардейцы, работали по инициативе подпольного комитета Краевого ВКП (б), дабы подготовить восстание и разложить армию, а не по своему желанию. А потому мое исключение я нахожу неправильным и прошу восстановить красногвардейцем» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 992. Л. 132-132 об]. В ходе изучения этих документов нередко случаи, когда сталкивались интересы военно-политического ядра партизанского движения и членов комиссии, которые игнорировали рекомендательные справки первых, а боец, чьими поручителями они выступали, исключался из списков красных партизан. «Я повторно подаю свои документы на утверждение в комиссию по чистке, не понимаю, почему исключен, – писал Дзудцев Н.Д., – все знают меня с хорошей стороны как активного участника боев как против меньшевиков, так и белых банд генерала Хвостикова. О том, что я в никакой контрреволюционной организации не состоял, а, наоборот, выполнял поручение Джатиева А. и Санакоева М.(оба руководители отрядов) отговорить товарищей от вступления в армию Бичерахова., есть подтвержденные справки. Потому прошу зачислить как красного партизана и одного из командного состава всех восстаний» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 973. Л.1-3].

Конечно, каждое письмо – это эмоциональный источник, который дает возможность реконструировать социальную психологию бывших партизан.

Таким образом, эти эго-документы позволяют выявить взаимосвязь между масштабами «чисток» и жалобами как формой социального протеста против таких мероприятий.

Жалобы и заявления – не единственный источник по истории взаимоотношений партизан и власти. Другие комплексы источников дают возможность раскрыть проблемы, связанные с положением бывших красных партизан, выявить наиболее существенные стороны «чисток», что, в конечном счете, привело к появлению таких источников как жалобы и заявления.

Протоколы заседаний комиссий по рассмотрению заявлений красных партизан построены по принципу персонального рассмотрения. Они дают хороший материал о личности претендента. В протоколах содержится материал, раскрывающий социальный статус, политическую ориентацию комбатантов, факты из биографии. Например, из материалов комиссии по «чистке» партизан явствует, что «усматривая, что тов. Рожов из Владикавказа выбыл за три месяца раньше отступления красных войск, находился в Поти, потом попал к белым в Кисловодск. По социальному прошлому – прапорщик, пребывание на территории белых не случайное, и как не принимающий никакого участия в борьбе против белых из списков красногвардейцев исключить, билет отобрать» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 975. Л. 13]. Не менее остро власть реагировала на имущественное «обрастание» комбатантов: «Цагов, член ВКП (б), служащий, член колхоза «Горский колхоз». Цагов вплоть до 1930 г. имел свое собственное землевладение, а хозяйство его имело все признаки кулацкого хозяйства. Постановили: Отказать Цагову в занесении его в список красных партизан. Комиссия выражает глубочайшее возмущение в пребывании Цагова в рядах партии Ленина...» [ГАРО. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]. Сохранилось большое количество решений партизанских комиссий об отказе признать претендента красным партизаном. Поводом для отказа могли быть серьезные отклонения в образе жизни комбатанта. Например, в протоколе Ардоно-Алагирской комиссии помощи бывшим красным партизанам было отказано Чехоеву Б., который «выступает против всех проводимых властями компаний, представителей называет бандитами, никого не слушает» [ЦГА РСО-А. Ф. 60. Оп. 1. Д. 797. Л. 58]; среди прочих не прошли перерегистрации жители с. Дур-Дур Койбаев Х., который в годы гражданской войны «выступал против белых, но в данное время не состоит в колхозе, выступает против колхозного движения», было отказано учителю Байцаеву Д., который в 1928 году держал батрака [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1075. Л. 62 об].

Но даже незначительные отклонения от канонов могло стать причиной отказа в выдаче партизанской книжки. Так, нахождение на оккупированной территории в течение месяца без уважительных причин могло стать серьезным основанием для отказа в перерегистрации. Поэтому наиболее дальновидные запасались на этот счет свидетельствами своего неучастия на стороне белых. Например, красноармеец Базалин получил от начальника отряда им. Терского народного совета Карсанова справку о том, что по дороге в с. Заманкул попал вместе с 11-ю красноармейцами в плен. Был осужден и приговорен к расстрелу, в ожидании которого провел на территории белых больше месяца, на службе у

деникинцев не состоял. Но то, что он не занимался подпольной работой в это время (абсурдная претензия), ему было поставлено в вину. Одному из видных красных партизан, Джиоеву Сардиону (Цепка), пришлось заручиться поддержкой четырнадцати красных командиров и представить заверенные ими справки о том, что он не служил меньшевистской власти, а был арестован за участие в юго-осетинских восстаниях и заключен в Горийскую тюрьму [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 996. Л. 6-7]. Другой респондент, Сиукаев А.В., в представленной и заверенной одиннадцатью бывшими партизанами справке указывал, что многие из осетин Шоропанского уезда не уходили в Терскую область во время меньшевистского погрома 1920 г., а вели подпольную работу [ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 795. Л. 4]

Еще больше ранило бывших комбатантов то, что в ряде партийных и советских органах к власти пришли их бывшие противники – деникинские офицеры, меньшевики и проч. Причем, что вполне объяснимо, красные партизаны были поражены положением вещей и несправедливостью политики большевистского руководства. Зачастую именно в проникновении бывших противников в органы власти красные партизаны видели корень социальной несправедливости. В партизанскую комиссию поступали письма-разоблачения лже-партизан. Например, Дзассохов А.Г., во главе меньшевистских войск участвовавший в подавлении юго-осетинских восстания в 1919 г., был привлечен в качестве заместителя наркома в Наркомпрос области. Гаглоев Р.Н. впоследствии писал: «Ныне, о, ужас, он цел, и даже у власти. Это ли не вопиющая несправедливость?! И за то, что он сгибал бедных осетин в три погибели, за то, что он шел на них с грузинскими войсками – он теперь в тепле, в почете и даже изволит просвещать южных осетин. И хочется повторить: «Наш век согнут в три погибели торжествующим хамом» [ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 185. Л. 16].

Еще страшнее для этих людей было недоверие, которое проявляли к ним во время партизанских чисток. Даже самые лестные рекомендации, выдаваемые бывшими командирами и однополчанами, не могли гарантировать повышение материального благосостояния, получение работы и проч. Все партизаны оказались разделенными на категории, между которыми существовала большая разница. Особо наказывала власть тех, кто не вписывался в образ беззаветного борца за социализм - «лишенцы», преступники, оппозиционеры. Причем в любую из этих групп человек мог угодить без особых причин. Лишенец Д. Такоев написал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [Хубулова 2017: 139].

Комбатанта могли лишить не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан Тедеев В.Н. указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере, и подтверждением непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся

целый год. Оттягивали его под разными предлогами, так как лица, кои должны были заняться оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некого красного партизана Архипа Джиеова (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан – Сост.) «не участвовал». Спрашивается, причем тут какой-то Архип Джиеов, если все нужные рекомендации имеются» [ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 127].

Политический климат 1920-х гг. сильно отразился на сообществе красных партизан: стали появляться такие, кто в целях продвижения, устранения соперников мог оклеветать бывших однополчан. Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказывалось на всем обществе.

Но были и такие партизаны, которые открыто протестовали против нового порядка. В массе комбатантов постепенно складывалось недовольство карьерой небольшой и может не самой героической части партизан, а также теми политическими механизмами, с помощью которых власть строила «светлое» будущее. В некоторых колхозах Осетии были зарегистрированы случаи антигосударственной агитации со стороны бывших красных партизан. Противоречия и различие между положением красных партизан и властью более выявилось во время коллективизации. По совершенно надуманным поводам некоторые красные партизаны оказались в списках раскулаченных. Так, в Дигорском районе Северо-Осетинской АО местные власти проявили безобразно-преступное отношение не только к середнякам, но и бедноте и красным партизанам. Так в с. Христиановском был раскулачен С. Едзаев, «несмотря на то, что его два брата погибли на страже защиты революции – красные партизаны, из коих один повешан, другой убит, сам Едзаев всегда оказывал им большую помощь»; жертвой произвола стали партизаны Салбиев Т., Гадиев Д., Гадиев С., которые на объединенном собрании колхозников сел. Ногир «высказались за оставление пока мелких колхозов. Это выступление Бязыровым (уполномоченным из обкома ВКП (б) было понято как антиколхозное выступление и как срывающих колхозное строительство означенных граждан держали под арестом до 20 дней» [НА СОИГСИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 68].

К концу 1920-х гг. началась травля тех, кто был недоволен политикой государства в деревне. В это время на самых разных властных уровнях заговорили о «несознательных» партизанах, которые объединялись с кулаками против коллективизации. Таких следовало проучить: объявляли их чуждым советской власти элементом, раскулачивали и отправляли в ссылку.

Многие бывшие партизаны что естественно, стремились именно к восстановлению (а также укреплению) своих хозяйств, разоренных во время войны. При этом они не без оснований полагали, что заслужили право хозяйствования на своей земле. Однако, любое такого рода устремление как развитие единоличного хозяйства, рассматривалось молодой советской властью как укрепление позиций «кулачества». Согласно привлеченным к работе

архивным документам, во время второй волны «чисток» специальными проверочными комиссиями, этот слой попадал в разряд кулаков и лишался партизанских книжек. Встречаются случаи несправедливых постановлений. К примеру, Дзагоев Б. Р. заявлял: «Я активно участвовал во всех юго-осетинских восстаниях и во время трехкратной «чистки» красных партизан против меня не было никаких отводов. Причиной не включения меня в ряды красных партизан стало не мое положение, а донос, что я числился в списках зажиточных в с. Ногир. Это враги незаконно включили меня в этот список, о чем я лично писал в Московский ЦИК» [Гаглоева 2017б]. Таким образом, советская власть стремилась использовать бывших партизан как надежную опору и через них воздействовать на других крестьян региона, при этом даже беспартийных партизан они считали коммунистами, не особенно понимая, что имущественное положение бывших партизан зачастую было очень плачевным и отношение к действиям власти было не всегда лояльным, а подчас даже враждебным. Как в гражданскую войну, крестьяне были оппозиционны к любой власти, притеснявшей их. Подобное непонимание истинных настроений большинства партизан обернулось в период массовой коллективизации в антиправительственное движение.

Даже непроверенные доносы могли стать причиной отказа. Так, некто П. написал донос на своего соседа Тотусова М., который, по мнению П., «не может быть партизаном, ибо партизан не бывает простым болтуном, а должен быть участником боевых действий, или являться подпольщиком» [ЦГА РЮО Ф. 27. Оп. 1. Д. 192. Л. 19]. Джиоев В.А. писал «У комиссии партизан не было никакого основания для моего исключения, кроме доноса мало заслуженного партизана Г. В., который со мной во враждебных отношениях...» [ГАРО. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 224. Л. 1].

Лишенцами становились не только зажиточные крестьяне, но и те, кто проявлял несогласие с проводимыми реформами. Раскол партизанского братства в ходе «чисток» привел к противоречиям внутри этого союза. С 1931 г. все партизаны оказались разведенными по разным группам, наиболее незащищенными стали те из них, кто утратил статус красного партизана из-за разных причин (лишенчество, преступление, неподтвержденность участия на стороне большевиков и проч.). Участник революционных боев в с. Христиановском Д. Такоев, который позже попал в немилость к властям и стал лишенцем, в отчаянии писал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 88. Л. 94].

Комбатанта могли лишить не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан Тедеев В.Н. указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере, и подтверждением непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся целый год. Оттягивали его под разными предложениями, так как лица, кои должны

были заняты оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некоего красного партизана А.Д. (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан – Авт.) «не участвовал». Спрашивается, причем тут какой-то А.Д., если все нужные рекомендации имеются» [ЦГА РСО-А. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1092. Л. 6].

Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказывалось на всем обществе. Все это приводило к череде самоубийств среди части партизан и коммунистов. Высокая смертность вынудила провести специальные заседания ЦК КП (б) Грузии, посвященные данному вопросу. Известный общественный деятель Южной Осетии Р. Гаглоев с горечью отмечал: «Я, кажется, догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер от малярии). Сомнения нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... - Боже мой, сколько потерь...» [Бигулаева 2002: 99].

По прошествии времени, уже в 1935 г. комиссии красных партизан, выполнив роль эзекутора, были распущены. Красные партизаны, которые казались наиболее организованной и малоуправляемой частью советской социальной структуры, в результате жесточайших «чисток» перестали представлять угрозу для режима и те из них, кто своей преданностью заслужил доверие властей, получал возможность на разного рода социальные бонусы, все остальные оказались в обществе маргиналов и также не были опасны.

Ожидания комбатантов от новой власти не оправдывались, это вселяло неуверенность и опасения за то дело, которому они отдали себя, теряли боевых товарищей. Обстановка накалялась и могла закончиться новыми социальными потрясениями. Такого поворота событий власть не желала и стремилась в зародыше подавить любое проявление оппозиции. Развернувшийся в 1930-х гг. Большой террор вовлек в свою орбиту и участников партизанского движения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бигулаева 2002 – *Бигулаева И.С.* Рутен Гаглоев. Жизнь и деятельность // Фидиуаг. – 2002. – № 2. – С. 99-110.

Гаглоева 2017а – *Гаглоева Б.Б.* Деятельность «Комиссии по проверке и выявлению из населения Юго-Осетии бывших красногвардейцев, красных партизан и дружинников революции 1905» и «Комитета красногвардейцев и красных партизан» // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 4. – С. 26-32.

Гаглоева 2017б – *Гаглоева Б.Б.* Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920-1930-е гг. // Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Уфа: NOVALENZO, 2017. – С. 25-30.

ГАРО – *Государственный архив Ростовской области.*

Даренская 2013 – *Даренская И.В.* «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920-30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. – 2013. – Т. 15. – С. 31-33.

Клинова 2012 – *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 300-305.

Кутырева 1991 – *Кутырева Л.В.* Жалобы как источник по истории крестьянства Урала (опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 50-64.

Лившин, Орлов 1999 – *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917-1927 годов // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 94-102.

Морозова 2010 – *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ, 2010. – 360 с.

НА СОИГСИ – *Научный архив СОИГСИ*

Письма... 1998 – *Письма во власть. 1917–1927.* Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

«Проверкой...» 2013 – *«Проверкой заявления установлено...»:* Повседневная жизнь людей в письмах и обращениях к власти. 1930-е годы: сборник документов / Под ред. Е.В. Кодина. – Смоленск: Свиток, 2013. – 392 с.

Хубулова 2017 – *Хубулова С.А.* Деятельность северо-осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924-1935 гг.) // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 23 (62). – С. 136-164.

Хубулова, Гаглоева 2017 – *Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б.* Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 25(64). – С. 88-99.

Хубулова, Гаглоева 2016 – *Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б.* Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2016. – № 3. – С.95-100.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив РСО-Алания.

ЦГА РЮО – Центральный государственный архив Республики Южная Осетия.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

REFERENCES

BIGULAEVA I.S. *Ruten Gagloev. Zhizn' i deyatel'nost'* [Ruthen Gagloev. The life and work of]. IN: Fidiuag. – 2002. – No. 2. – P. 99-110. (In Russian)

DARENKAYA I.V. «*Pis'ma vo vlast'*» kak istochnik analiza otnoshenii vlasti i obshchestva v 1920-30-e gg. ["Letters to power" as a source of analysis of relations between government and society in 1920-30s.]. IN: Voprosy vseobshchei istorii. – 2013. – Vol. 15. – P. 31-33. (In Russian)

GAGLOEVA B.B. *Deyatel'nost' «Komissii po proverke i vyyavleniyu iz naseleniya Yugo-Osetii byvshikh krasnogvardeitsev, krasnykh partizan i druzhinnikov revolyutsii 1905» i «Komiteta krasnogvardeitsev i krasnykh partizan»* [The activities of the "Commission for the Verification and Detection of the Red Guards, Red Guerrillas and the Revolutionaries of the Revolution of 1905 from the Population of South Ossetia" and the "Red Guards and Red Guerrilla Committee"]. IN: Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. – 2017. – No. 4. – P. 26-32. (In Russian)

GAGLOEVA B.B. *Deyatel'nost' partizanskikh komissii Yuzhnoi Osetii v 1920-1930-e gg.* [Activities of the partisan commissions of South Ossetia in the 1920s-1930s]. IN: *Razrabotka i reshenie aktual'nykh nauchnykh problem: voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Development and solution of actual scientific problems: questions of theory and practice. Collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. – Ufa: NOVALENKO, 2017. – P. 25-30. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archiv of the Rostov Region]. (In Russian)

KHUBULOVA S.A. *Deyatel'nost' severo-ose'tinskoi komissii po delam byvshikh krasnogvardeitsev i krasnykh partizan (1924-1935 gg.)* [Activities of the North Ossetian Commission for the former Red Guards and Red Guerrillas (1924-1935 gg.)]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2017. – No. 23 (62). – P. 136-164. (In Russian)

KHUBULOVA S.A., GAGLOEVA B.B. *Mutnoe zerkalo istorii: zhizn' i sud'ba kombatanov grazhdanskoi voiny v usloviyakh perekhoda k miru* [Muddy mirror of history: the life and fate of combatants of the civil war in the conditions of transition to peace]. IN: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*. – 2016. – No. 3. – P. 95-100. (In Russian)

KHUBULOVA S.A., GAGLOEVA B.B. *Zhiznennye strategii veteranov grazhdanskoi voiny (na materialakh Severnoi i Yuzhnoi Osetii)* [Life strategies of veterans of the Civil War (on the materials of North and South Ossetia)]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2017. – No. 25(64). – P. 88-99. (In Russian)

KLINOVA M.A. *Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izucheniya sovetskoi povsednevnosti* [Letters and complaints to the authorities as a source of study of Soviet everyday life]. IN: *Vestnik arkhivista*. – 2012. – No. 4. – P. 300-305. (In Russian)

KUTYREVA L.V. *Zhaloby kak istochnik po istorii krest'yanstva Urala (opyt kontent-analiza)* [Complaints as a source on the history of the peasantry in the Urals (experience of content analysis)]. IN: *Kolichestvennye metody v issledovaniyakh po istorii sovetskogo rabocheho klassa i krest'yanstva* [Quantitative methods in research on the history of the Soviet working class and peasantry]. – Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991. – P. 50-64. (In Russian)

LIVSHIN A.YA., ORLOV I.B. *Vlast' i narod: «signaly s mest» kak istochnik po istorii Rossii 1917-1927 godov* [Power and people: "signals from the ground" as a source on the history of Russia in 1917-1927]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 1999. – No. 2. – P. 94-102. (In Russian)

MOROZOVA O.M. *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost' veteranov grazhdanskoi voiny* [Two acts of drama: the battle past and the post-war everyday of civil war veterans]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs, 2010. – 360 p. (In Russian)

Nauchnyi arkhiv SOIGSI [Scientific archive of V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies] (In Russian)

Pis'ma vo vlast'. 1917-1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam [Letters to power. 1917-1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders] / Ed. by A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. – M.: ROSSPEN, 1998. – 664 p. (In Russian)

«Proverkoii zayavleniya ustanovleno...»: Povsednevnyaya zhizn' lyudei v pis'makh i obrashcheniyakh k vlasti. 1930-e gody: sbornik dokumentov ["Verification of the application is established ...": Everyday life of people in letters and appeals to the authorities. 1930s] / Ed. by E.V. Kodina. – Smolensk: Svitok, 2013. – 392 p. (In Russian)

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region]. (In Russian)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Central state archive of the Republic of the Republic of South Ossetia]. (In Russian)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)